

Schroeder U.von. Buddhist Sculptures in Tibet. 1. India & Nepal. 2. Tibet & China, Hong Kong. Visual Dharma. 2001. Vol. 1–2.

Wisdom and Compassion. The Sacred Art of Tibet. N.Y.; L.; San-Francisco, 1991.

Zwalf W. Illustrated inventory of pieces analyzed // Aspects of Tibetan Metallurgy / ed. by W.A. Oddy and W. Zwalf. British Museum Occasional Paper. 1981. No 15.

Н.П. Копанева

К ИСТОРИОГРАФИИ КУНСТКАМЕРЫ: НЕИЗДАННАЯ РАБОТА ИННЫ ИВАНОВНЫ ЛЮБИМЕНКО

Инна Ивановна Любименко (1878–1959) — историк, архивист, доктор исторических наук (с 1935 г.), доктор словесных наук Парижского университета (с 1908 г.), с 1927 г. была членом Комиссии по истории знаний, которую возглавлял В.И. Вернадский, с 1932 по 1936 г. работала в Институте науки и техники ученым специалистом, а с 1939 по 1942 г. — в Комиссии по истории Академии наук при Архиве АН СССР (создана в 1938 г.), членом которой она оставалась и после, официально работая с 1942 г. в ЛО Института истории АН СССР. В Комиссии по истории Академии наук (КИАН) И.И. Любименко вместе с другими сотрудниками участвовала в подготовке коллективной монографии «История Академии наук СССР» под редакцией и под руководством академика С.И. Вавилова. Как известно, подготовленная членами КИАН рукопись в 1952 г. была подвергнута руководством АН СССР резкой критике, сама Комиссия постановлением Президиума АН СССР от 1 апреля 1955 г. упразднена, а подготовленные части монографии так никогда и не были изданы.

Рассматриваемая в статье рукопись И.И. Любименко «Кунсткамера Петербургской Академии наук» представляет собой пятую главу «Очерков по истории Академии наук» [СПФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 89]. Это машинописный текст на 43 листах с вставками иностранных слов и библиографических ссылок рукой автора. Датируется 1935 г. К сожалению, выполненное И.И. Любименко исследование не было использовано историками Кунсткамеры, во всяком случае на нее нет ссылок в опубли-

кованной литературе. Наша задача — дать краткий обзор этой работы И.И. Любименко, тем самым вводя ее в научный оборот.

Предваряет текст краткий план: ранние кунсткамеры на Западе; возникновение Петербургской Кунсткамеры; первые помещения и первые коллекции; постройка постоянного здания и размещение в нем кунсткамерных и библиотечных коллекций; обзор их по каталогу 1741 г.; работы Кунсткамеры; пожар 1747 г. и его последствия; позднейшие пополнения и роль в них экспедиций; связь между историей Кунсткамеры и историей Академии наук [СПФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 89. Л. 1]. Не все части плана в главе разработаны, не всегда есть указание на источники. Связано это, вероятно, с тем, что автор была ограничена листажом. То, что архивные источники ей были хорошо знакомы, не вызывает никаких сомнений: Инна Ивановна была опытным архивистом и работала вместе с директором Архива АН СССР Г.А. Князевым и источниковедом и археографом А.И. Андреевым. Знакома была И.И. Любименко, знавшая в совершенстве английский, немецкий, французский языки, и с западноевропейскими работами по истории кунсткамер. Так что источниковая база исследования, проведенного И.И. Любименко, была основательной.

План дает представление о той концепции развития Кунсткамеры, которой придерживалась И.И. Любименко. Исторический подход к вопросу о петербургской Кунсткамере XVIII в. позволил исследовательнице дать краткий обзор или, как она пишет, «беглый, ретроспективный взгляд», на развитие кунсткамер в Западной Европе, ссылаясь на Италию, Голландию, Германию, Францию и Англию. Отмечая, что ряд исследователей (И.И. Любименко ссылается на книги: Klemm G. Zur Geschichte der Sammlungen für Wissenschaft und Kunst in Deutschland. Zerbst, 1838; Beckman J. Beytrage zur Geschichte der Erfindungen. Leipzig, 1788. Bd. 2.; Sclosser Ju. Die Kunst- und Wunderkammern der Spätrenaissance. Leipzig, 1908) ведут происхождение кунсткамер от ризниц соборов и сокровищниц средневековых феодалов, где были накопления предметов роскоши и искусства, Любименко обращает внимание на то, что «хотя слово “Kunstkammer” и означает буквально комнату искусств, рядом с ним как его синоним встречаем и термин “Naturalienkammer”, комната натуральных вещей; и действительно, характерным для этого учреждения несомненно было присутствие в нем <...> и произведений природы, главным образом тех, которые являлись диковинами, “куриозитетами”, отсюда третье название “Kuriositetenkammer”, комната редкостей» [СПФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 89. Л. 2]. На основании изученного Любименко называет следующие принципы подбора экспонатов для

кунсткамер в XVII в.: «...редкость, ценность, полезность, необходимость, нарядность, уродство, громадность или, наоборот, карликовость» [Там же]. Исходя из этого, ни ризницы церквей, ни сокровищницы феодальных замков к предшественникам кунсткамер отнесены быть не могут, так как их собрания не составлялись на столь разных и часто противоречивых основаниях.

Возникновение кунсткамер И.И. Любименко связывает со временем великих открытий, расцветом торгового капитала, буржуазного общества и развитием эмпирического знания. Инна Ивановна справедливо пишет, что математика, астрономия и физика нужны были для мореплавания, а изучение богатств природы способствовало развитию торговли. Из далеких плаваний, открывавших новые рынки, из неизведанных еще стран купцы привозили все, что было ново и любопытно: растения, животных, камни, необычные одежды, предметы производства и культа. Пытливость и авантюризм приводили к тому, что купец становился коллекционером. Порой люди, поглощенные коллекционированием и научными поисками, сопровождали купцов в их плаваниях. В качестве примера И.И. Любименко пишет об английском натуралисте, ботанике и путешественнике, коллекционере редкостей Джоне Традесканте (ок. 1570–1638). В 1618 г. он побывал с английскими купцами, торговавшими с Россией, в Николо-Корельском монастыре на Белом море и изучал там растения и животных. Любименко пишет, что страсть Традесканта была столь велика, что он тратил на корабле драгоценную пресную воду на поливку собранных им в России живых растений. Вывод И.И. Любименко о первых кунсткамерах очень интересен: вся эта новизна и необычность привозимого из неведомых ранее стран возбуждало любопытство в посетителях и прогулка по кунсткамере «являлась суррогатом путешествия» [СПФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 89. Л. 4].

Но частные коллекции были не вечны, они часто расплывались, и на смену им шли собрания городские, университетские, государственные, которые уже включали экспонаты (среди них научные инструменты), придававшие им просветительский, а не только развлекательный характер. Психологически тонко анализирует И.И. Любименко и расположение экспонатов в кунсткамерах, которое имело практическое или эстетическое, но не научное значение: «Чтобы привлечь посетителей, старались вызвать у них чувства веселья, восхищения, удивления, даже испуга, вывести их из обыденного скучного состояния равновесия. При входе в кунсткамеру устраивалась “группа ужаса”, составленная из чуел или скелетов крупных животных <...>, из мумий, орудий пыток и проч.» [СПФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 89. Л. 5]. Подвешенные чуцела

птиц, больших черепах, крокодилов, змей, закрепленные по стенам, усиливали эти впечатления. И в дальнейшем, на протяжении XVIII в., несмотря на прогресс науки, рациональный подбор экспонатов, их обработку и классификацию, научность часто отступала на задний план, а предпочтение отдавалось декоративности и занимательности. Делая такой вывод, И.И. Любименко не расставляет оценочных акцентов, а исходит из особенностей исторического развития в целом и музейных собраний в частности, что выгодно отличает ее исследование.

Обращаясь к России XVII в., Любименко пишет, что привозимые из заморских стран ко двору диковинные предметы сосредоточивались в царской аптеке. Не рассматривая это собрание как предтечу кунсткамеры, исследовательница считает, что отсутствие старых традиций оказало Петербургскому музею определенную услугу. Привозимые в Москву в конце XVII и самые первые годы XVIII в. коллекции просто складывались у Петра. Первоначальный петербургский период Кунсткамеры описан И.И. Любименко очень кратко. Рассматривая собрание в Летнем дворце и Кикиных палатах как царское собрание, или «императорский кабинет», автор приводит хорошо известные нам сейчас факты приобретения голландских коллекций, посещения Петром Дрездена, ссылаясь на известную литературу и архивные документы, в частности фонд Р. Арескина в академическом Архиве. То же касается и первых российских поступлений, указов Петра о покупке «куриозитетов» в России. Описание расположения и состава коллекций в новом здании на Васильевском острове И.И. Любименко дает по изданию «Палаты Санктпетербургской Академии наук, библиотеки и Кунсткамеры» [СПб., 1741; 1744], рассматривая Кунсткамеру и Библиотеку в единстве, и по каталогу «Musei Imperialis Petropotani. Vol. 1–2». Любименко делает вывод, что к 1741 г. Петербургская Кунсткамера «выросла в богатый и довольно хорошо систематизированный музей» [СПФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 89. Л. 18], хотя не все коллекции отличались полнотой и разные отделы были представлены неравномерно. Показательно, что, характеризуя анатомическую коллекцию, И.И. Любименко не акцентирует внимания на представленных в собрании уродствах, а пишет о препаратах, показывающих постепенное развитие человеческого плода, «от зародыша с булавочную головку до нормального младенца» [Там же. Л. 18].

Подчеркивая научность систематизации экспонатов в Петербургском музее в отличие от европейских собраний, Любименко отмечала и то, что не все старые кунсткамерные традиции были изжиты: «Сохранилась декоративность экспозиции, завешивание стен и потолка; над шкафами висели рыбы, на стенах — змеи и черепахи, над одной из две-

рей — крокодил с рыбой в зубах. Шкафы были декорированы голубой тафтой, позолотой, раковинами <...> В простенках между шкафами были расставлены скелеты; гипсовые статуи и бюсты были покрыты позолотой. В 1739 г. для украшения Кунсткамеры закупились 61 аршин голубой тафты, 6 аршин зеленого атласа, бархат на обшивку посохов, стопа золотой бумаги. В торжественных случаях покупался ельник для украшения помещений и шкафов» [СПФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 89. Л. 19] Характеризуя академический музей второй половины XVIII в., И.И. Любименко подчеркивает роль экспедиций в формировании коллекций Кунсткамеры. К сожалению, об экспедициях первой половины XVIII в. почти ничего не сказано. При описании музея второй половины века Любименко опирается на опубликованные воспоминания И. Бернулли и лейтенанта Мейера. Именно И. Бернулли писал о том, рассматривая Кунсткамеру, он забрел в какой-то чулан, где обнаружил среди грязных тряпок и щеток большую статую Анны Иоанновны.

В плане очерка, о котором шла речь в начале статьи, был раздел о сотрудниках Кунсткамеры, однако он оказался не разработан. Интересна оценка, которую Любименко дает И.Д. Шумахеру. Признавая, что его роль в истории Академии наук неоднозначна, она пишет о несомненных административных способностях Шумахера, 35 лет заведовавшего Кунсткамерой и Библиотекой. Его приверженность к декоративности в размещении как музейных экспонатов, так и книг вызывала недовольство академических ученых, но, как пишет Любименко, «приходится констатировать, что за время его управления работа велась неплохо» [СПФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 89. Л. 25].

Открытость Кунсткамеры для посетителей Любименко оценивает довольно низко, отмечая, что популяризация знаний была слабой стороной деятельности Академии наук. Раскрывая связь Кунсткамеры с Академией, высоко оценивая роль ученых в пополнении и систематизации музейных фондов, автор очерка пишет: «...оторванность Академии не только от широких народных масс, но и от медленно, но непрерывно нараставших в стране слоев русских просвещенных людей привела к отрицательной стороне дела — пренебрежению к широким просветительским задачам вообще и к возможности просветительской роли Кунсткамеры в частности» [СПФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 89. Л. 41]. И.И. Любименко сравнивает в этом отношении западноевропейские кунсткамеры с академическим музеем и точно подмечает, что если первые и приносили научность в жертву занимательности, то связано это было со стремлением привлечь в кунсткамеры широкую публику. В Петербургской Кунсткамере второй половины XVIII в., по мнению Люби-

менко, интересы широкой публики вообще мало принимались во внимание.

Особого внимания заслуживают страницы рукописи о постройке здания Кунсткамеры. Этому была посвящена и статья И.И. Любименко «К истории постройки здания Кунсткамеры Академии наук в XVIII столетии», опубликованная в Вестнике АН СССР. В фонде Любименко в СПФ АРАН сохранилась и рукопись этой статьи [Ф. 895. Оп. 1. Д. 84]. Таким образом, тема постройки здания Кунсткамеры рассматривалась И.И. Любименко специально. Исследование, как пишет автор статьи, проводилось Институтом науки и техники в сотрудничестве с Архивом АН СССР и вызвано было тем, что уже в начале 1930-х годов в связи с ремонтом здания встал вопрос о его реставрации. Отсылая читателя к опубликованной работе И.И. Любименко, подчеркну лишь наиболее интересные с точки зрения уже накопленных на сегодняшний день знаний положения статьи. Основными источниками исследования о строительстве здания были документы академического Архива и гравюры из «Палат Санктпетербургской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры». При этом И.И. Любименко должна была доказать, что гравюры и чертежи, изданные в 1741 и 1744 гг., отражали реальное положение дел, а не выдавали желаемое за действительное, поскольку такие сомнения высказывались в печати. Трудность заключалась и в следующем: в том виде, в каком здание Библиотеки и Кунсткамеры изображено на гравюрах, оно просуществовало недолго. «В 1728 г. еще рассматривался вопрос, какой быть башне, а в декабре 1747 г. пожар уже уничтожил часть ее, позднейшая же реконструкция до неузнаваемости искажила ее первоначальный вид, а именно в таком виде она осталась, — пишет Любименко, — в памяти позднейших поколений» [СПФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 84. Л. 9].

По мнению исследовательницы, уже а priori маловероятно, чтобы официальное издание, каким были «Палаты», вышло с изображением фантастического, а не реально построенного здания. (Сомнению подвергалась именно башня: скептики считали, что она была одноэтажной и купольной.) Используя широкую документальную доказательную базу, в частности чертежи башни Кунсткамеры и их описание, выполненные Ж.-Н. Делилем, Любименко пришла к выводу, что изображения здания вполне достоверны: башня была трехэтажным, а не одноэтажным строением. При этом были и мелкие несоответствия изображения на гравюре и того, что было в действительности: «Так, не показана наружная деревянная лестница на верхний этаж Обсерватории, безусловно портившая вид ее, что признавалось и современниками. Крыша зда-

ния на рисунках представлена железной, тогда как на самом деле она была крыта черепицей» [СПФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 84. Л. 11]. В очерке 1935 г. Инна Ивановна писала, что здание Кунсткамеры 1741 г. «отличалось от современного и было несомненно красивее его. Красили его подъезды, большой средний и два малых боковых, длинное окно над средним подъездом, карнизы боковых частей, статуи в наружных нишах и особенно более высокая башня <...> Возвышавшаяся над зданием трехэтажная часть башни состояла из двух первых каменных этажей с галереями и последнего деревянного, заканчивавшегося фонарем» [СПФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 89. Л. 12].

Говоря о музее конца XVIII в., Любименко справедливо отмечает, что в протоколах Конференции этого периода слово «кунсткамера» почти пропадает, заменяясь названиями отдельных кабинетов: минералогического, анатомического, зоологического, — что было следствием развития науки и естественной специализации или, как писала И.И. Любименко, расслоения коллекций академического музея.

В заключении своего очерка И.И. Любименко указывает на тесную связь истории Кунсткамеры с переломными моментами истории самой Академии наук, которые в свою очередь связаны с историей страны. Основанное на богатейшем архивном материале, концептуальное по своему характеру исследование И.И. Любименко и сегодня представляет большой интерес для тех, кто интересуется историей Кунсткамеры.

Библиография

- Вернадский В.И.* Труды по истории науки в России. М., 1988.
Любименко И.И. К истории постройки здания Кунсткамеры Академии наук в XVIII столетии // Вестник АН СССР. 1934. № 7. С. 51–58.

С.А. Корсун

СОВЕЩАНИЕ ПО ЭТНОГЕНЕЗУ НАРОДОВ СЕВЕРА 1940 ГОДА

В 1921–1924 гг. состоялась знаменитая датская Пятая экспедиция Туле под руководством Кнута Рассмусена (1879–1933). Ее участники изучили десятки групп эскимосов арктического побережья Северной